

рых – прежде всего, само международное право, которое наделяет государства некоторыми суверенными правами в определённых областях за пределами их территории.

С другой стороны, в отношении экономического суверенитета, как области исключительных прерогатив государства, противоправны любые посягательства, которые поэтому всегда порождают международно-правовую ответственность соответствующих стран, в силу принципов неприменения силы или угрозы силой и невмешательства. Сам термин «экономический суверенитет» можно встретить как в международных, так и в национальных правовых актах государств (например: Федеральный закон РФ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 21.06.1995 г., Экономическая декларация глав государств и правительств – членов движения неприсоединения от 19.08.1976 г.) [6, 167].

Будучи системообразующим началом международного права применительно к любым правоотношениям экономического содержания, проявляющимся в любой области взаимоотношений государств, принцип уважения экономического суверенитета государств определяет правовое содержание не только международных публичных, но и частноправовых отношений.

Диалектика взаимодействия практики международных отношений и современного международного права приводит к появлению новых принципов и норм международного права, к его развитию как права мира и международной безопасности. Суверенитет имеет две составляющие: внутреннюю (самостоятельное осуществление власти на своей территории) и внешнюю (самостоятельный внешнеполитический курс). Очевидно, что осуществление целей внешней

политики государств происходит в острой борьбе и сотрудничестве между ними. Именно в этих условиях борьбы и сотрудничества идёт процесс создания норм и принципов современного международного права как результата соглашения независимых суверенных государств, мирные отношения между которыми сегодня являются объективной закономерностью международных отношений.

Современное международное право, будучи общедемократическим по своему содержанию, в конечном счете, служит интересам социального прогресса, отражает поступательный процесс развития человеческого общества. Укрепление современного международного правопорядка, соблюдение его основных принципов создают благоприятные условия внутреннего социального развития государств, решения внутренних вопросов жизни народов в интересах демократии и социального прогресса.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Действующее международное право: документы в 2 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова / Т.1. – Москва, 2002.
2. Усенко, Е.Т. Международное экономическое право / Курс международного права / Е.Т. Усенко, М.П. Бардина. – М., 1990. – Т. 4.
3. Международное право в документах: учебн. пособие / Сост. М.П. Благова, Г.М. Мелков. – Москва, 2003.
4. Ашавский, Б.М. К вопросу о международном экономическом праве / СЕМП, 1986.
5. Блищенко, И.П. Прецеденты в международном публичном и частном праве / И.П. Блищенко, Ж. Дориа – Москва, 1999.
6. Панов, В.П. Международное частное право. – М., 1996.

Материал поступил в редакцию 25.09.09

PTICHKINA S.A. Principle of respect of the economic sovereignty of the states as systemformative a principle of international law

The dealectics of the interaction of business practice and modern internation law results in the appearance of new principles and rules of law of peace and international security. The author basing himself upon working rules of the international law and analyzing opinions of the specialists in this sphere investigates the process of separating of the prinsiple of respect of governments' economic sovereignty out of the principle of sovereign equality of governments and defines the fundamental meaning of the principle of respect of economic sovereignty as one of the central principles of the international law.

УДК 159. 922

Лагонда Г.В.

ВСТРЕЧА КАК СПОСОБ ИЗМЕНЕНИЯ ВЗРОСЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ КАЧЕСТВ СВОЕЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Будучи основой высокого уровня психического развития, высокодинамичная структура Я, а точнее механизм её динамизации, может представлять определённый интерес для практического психолога. Претендовать на полномасштабный охват данной проблемы было бы неверно. Однако определённый материал, позволяющий приблизиться к пониманию механизма динамизации Я человека, может быть предложен. Этот механизм будет обозначен термином Встреча. В данной статье будет представлена её феноменология.

В психологической литературе подробно описаны такие состояния внутреннего мира человека, как катарсис, инсайт, «надсознательные» процессы, единство аффекта и интеллекта, пиковое переживание. Более глубокий сравнительный анализ перечисленных состояний позволяет говорить о том, что, хотя и по-разному, но выявляют они по сути один и тот же феномен – феномен порождения смысла, некоего откровения для себя, совершенно нового для-себя-знания. Пусть это давно известная всем, да и самому человеку истина. Но в моменты пребывания в таких состояниях появляется совершенно новое отношение к ним, совершенно особенное их переживание. В эти мгновенья мерилом адекватности философской позиции человека становятся непреходящие общечеловеческие ценности, «невербальный корень» его бытия [1].

Неудивительно поэтому, что подобные состояния могут рассматриваться как проявления психической зрелости, как «прорыв» к психическому здоровью. Т.М. Буякас и О.Г. Зевина продолжают представленный выше список подобных состояний: «А.Н. Леонтьев обсуждает, по сути дела, тот же самый механизм «личной встречи», – пишут они, – Мы видим, таким образом, что теологи, философы, психологи оказались едины в своих представлениях о природе усвоения общечеловеческих ценностей. Они подчёркивают, что усвоение несводимо к безличному знанию: индивидуальное сознание страстно – оно есть не только знание, но и отношение. Этому отношению, в зависимости от концепции автора, присваивается лишь разное имя: «личная встреча», «диалог», «событие», «личностный смысл» [2, с. 47].

Термин Встреча видится нам наиболее точным и наиболее пригодным для обозначения описываемого феномена. Не только потому, что человек лично сталкивается с неиссякаемым источником жизни в лице общечеловеческой культуры, и даже не потому, что, благодаря Встрече, он имеет возможность подняться на новую ступень в своём психическом развитии. Дело в том, что термин Встреча метко отражает внутренний механизм процесса преобразования человеком своей концепции жизни посредством переструктурирования и динамизации собственного Я.

Лагонда Глеб Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

Предлагаемое описание феноменологии Встречи опирается в качестве методологической основы на содержание философских трудов М.К. Мамардашвили [1], [3] и подтверждается сравнительным анализом научных психологических текстов, описывающих проблематику порождения человеком смысла и движения человека к достижению им психической зрелости. Кроме того, правомерность предлагаемых рассуждений подтверждается клиническими наблюдениями автора данной работы, сделанными в ходе практической работы с пациентами.

Непрерывным атрибутом Встречи является *доверие*. Доверие человека к условиям, в которых Встреча имеет место. Наиболее это очевидно в ситуации взаимодействия с Другим, например, в ситуации психологического консультирования. Как известно, уже в течение первых пяти минут встречи с психологом клиент «решает задачи достижения психологического комфорта, то есть задачи эмоционального и когнитивного принятия ситуации интервью и личности психолога» [4, с. 88]. Если в течение этого короткого промежутка времени у клиента не возникло доверие к психологу, тяжело рассчитывать на конструктивное взаимодействие. Скорее всего, Встреча клиента с Собой Другим не состоится, переживание: «Я стал другим», – у него не возникнет.

В групповой психотерапии активно работающей психотерапевтическая группа становится лишь в третьей фазе своего существования, а именно тогда, когда у каждого из участников взаимодействия возникает доверие к Мы как к условию взаимодействия. По сути дела, само Мы формируется лишь при наличии доверия участников группы друг по отношению к другу.

Необходимо отметить, что реально Встреча может произойти и без физического присутствия другого лица. Простое созерцание заходящего над тихой плещущимся тёплым морем солнца способно привести человека к катартическому переживанию. Однако такое событие было бы опять-таки невозможно без доверия человека к не-Я в лице окружающей его природы, а в ней – к самому себе, то есть к Я.

Другими словами, доверие, доверие к Другому, к Мы, к Я и к не-Я представляется как уверенность, убежденность человека в отсутствии по отношению к нему агрессивных, деструктивных намерений со стороны каждой из перечисленных инстанций. Как говорил М.К. Мамардашвили, «реальность не может быть плохой, она есть то, что есть, – если мы не инфантильны, конечно. Тогда реальность – или плохая, или хорошая» [1, с. 29]. Такое восприятие реальности воплощается в доверии и способно привести к трансформации психологической защиты в психологическую защищенность.

В связи с приведенными рассуждениями можно утверждать, что серьезность человека вовсе не является психическим коррелятом зрелости, как принято часто думать. Во многих случаях серьезность как противоположность чувству юмора является скорее препятствием для осуществления Встречи, поскольку свидетельствует о недоверии к реальности. Об этом говорят некоторые исследования психологов и культурологов. Так, Л. Рейнхард в монографии «Трансформация» [5], посвященной описанию эрхардовского семинара-тренинга, отмечает, что далеко не каждый взрослый участник последнего смог справиться с игровым заданием: несколько минут играть роль маленького ребёнка противоположного пола. С точки зрения автора указанной работы, именно эти люди отличались наиболее выраженной среди присутствующих серьезностью, и именно у них наблюдались самые сильные психологические защиты регрессивного характера, то есть те, которые обычно принято называть инфантильными (согласно используемой в нашей работе терминологии – психически незрелыми).

Культуролог И. Хейзинга, вводя в качестве синонима психической незрелости взрослого человека термин «пугеризм», определяет его так: «...недостаток чувства юмора, неоправданно бурная реакция на то или иное слово, далеко заходящая подозрительность и нетерпимость к нечленам своей группы, безмерная преувеличенность хвалы и хулы, подверженность всякой иллюзии, если она льстит самолюбию или групповому эгоизму» [6, с. 231]. Обращает на себя внимание то, что (несмотря на некоторую «непсихологичность») данное определение также тесно связывает между собой

серьезность взрослого, его психическую незрелость и его же недоверие к реальности.

Другой стороной феномена Встречи (наряду с доверием к реальности) представляется *сомнение* – сомнение как осознание необходимости качественного изменения концепции жизни. Как известно, очень широко распространённым, можно сказать, естественным состоянием взрослого человека является пребывание в «плёну» психических иллюзий. Таковые иллюзии, являясь по существу фиксациями Я человека в одном или двух качествах жизни, проявляются в том, что ограничения в движении переживаний, составляющих Я, воспринимаются самим человеком как максимально возможная («трёхмерная») полнота жизни [7]. В результате то, что человек называет объективностью, зачастую (вне ситуации Встречи) есть всего лишь его собственные иллюзорные представления, которые с реальностью имеют мало общего. Ещё С. Кьеркегор такое предварительное знание (когда заранее существует непоколебимое отношение к любому моменту действительности) называл смертельной болезнью. Это очень точное определение. Ведь если изначально и неизбежно человек представляет, каков он, что ему надо, в каких условиях и как он может себя уважать, и каков должен быть мир, в котором он мог бы достойно жить, то ни о какой Встрече говорить не приходится. Ведь практически отсутствует мотив для превращения статичного, а значит, сукцессивного переживания актуальности собственной жизни в динамичное симультанное. Поскольку же Встреча – это своеобразный «прорыв» к психическому здоровью, к полноте жизни, то отсутствие сомнения в адекватности реальности собственной концепции жизни есть смертельная болезнь. М.К. Мамардашвили эту мысль выражал следующим образом: «Самая типичная ситуация – незнание самого себя и своего действительного положения; значит, основная задача – узнать своё действительное положение» [1, с. 12].

О том, что путь к психической зрелости и к психическому здоровью лежит через правду о себе и о мире, писали многие великие психологи: З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм, В. Франкл, К. Роджерс и др. Для того же, чтобы эта правда о сущностном строении Я трансформировалась в личностный смысл, необходимо здоровое сомнение (здоровое – значит не связанное с навязчивыми состояниями или другой психопатологией).

Такое сомнение в истинности собственной концепции жизни в момент Встречи для стороннего наблюдателя имеет чётко выраженный индикатор – *кратковременную паузу*, остановку внешней активности. Сам же человек замирает, перестаёт реагировать на многие внешние стимулы, сосредотачивая внимание на содержании своего внутреннего плана. Поэтому подобная отсроченная реакция, амехания (по выражению М.К. Мамардашвили), может быть определена как изменение человеком типа ориентировки. Подобную задержку впечатления описывал и В.М. Бехтерев в своих работах. Именно эту паузу академик Б.Ф. Поршнев считал началом человеческой истории. Через это своё качество, через умение и смелость выдержать паузу между стимулом, воздействующим на человека, и реакцией, которую он мог бы осуществить в соответствии с этим стимулом, так вот, через это своё качество «человек открывает самого себя, существование своего внутреннего мира как особой реальности – психической реальности, на которую он сможет воздействовать, сможет занимать по отношению к ней позицию, в том числе и позицию отказа от воздействия на эту реальность» [8, с. 111].

Поскольку речь идёт о паузе, то, несомненно, и о времени, а точнее, об особенностях психического времени и его соотношении с общепринятой линейной временной последовательностью, с помощью которой люди измеряют временные интервалы. Необходимость осмысления временного фактора при изучении феномена Встречи очевидна. Ведь Встреча – это переживание всей полноты жизни «здесь и теперь». А это значит, что необходимо определиться, что собой представляет это «теперь».

Даже отечественные клиницисты отмечают, что многие факты психической жизни человека как в норме, так и в патологии, невозможно объяснить, исходя из положения о едином линейном для мира и всех людей пространстве и времени. Так, доктора медицинских наук невропатолог Н.Н. Брагина и психиатр Т.А. Доброхотова на основании своего клинического опыта делают выводы о том, что «человек живёт

и функционирует не только в пространстве и времени реального физического, социального мира, а ещё и в своих личных, индивидуальных пространстве и времени, зависимых от него, им же обусловленных, без него невозможных, но объективно реальных так же, как объективно реально существует сам субъект» [9, с. 148].

Обсуждая проблему «внутреннего времени» М.К. Мамардашвили предполагает, что «простейшие акты нашей душевной жизни» устроены особым образом. «Внутреннее время» в представлении философа имеет двойственную природу. Для объяснения многих физических и психических явлений оказывается пригодным использование однонаправленной линейной временной последовательности. Вызывает недоумение уже то, что прошлое и будущее на шкале такого времени жизни человека имеют значительную продолжительность, тогда как настоящее представлено лишь точкой, хотя вся человеческая жизнь длится именно в настоящем этой линейной временной последовательности. Для объяснения же механизма порождения человеком смысла такого представления явно недостаточно.

В последнем случае время должно восприниматься дискретным, имеющим прерывистую структуру. Между следующими друг за другом мгновениями должен быть какой-то зазор, пауза. Каждое из этих мгновений может быть использовано человеком для своего психического развития, для переживания полноты жизни «здесь и теперь», для осуществления Встречи. Такие моменты содержат в себе целый мир. В это время человек как бы рождается заново из своего невербального корня, внутренним усилием собирая себя вокруг последнего. В подобные моменты и возникает та верная, поперечная к линейному времени связь, о которой так много рассуждает М.К. Мамардашвили.

Таким образом, настоящее, или «теперь», оказывается весьма индивидуальным. Оно может восприниматься человеком как очередное звено во временной последовательности, как мгновение между прошлым и будущим, а может и не иметь эквивалента в физическом времени, потому что «то, что сейчас происходит, и есть вечная жизнь. Следовательно, не после этой жизни – вечность, а вечность есть вертикальный разрез по отношению к последовательности горизонтали нашей жизни» [1, с. 100]. Естественно, продолжает свою мысль М.К. Мамардашвили, такое состояние души не может длиться перманентно, поскольку требует огромных внутренних усилий. Реально оно возникает эпизодически. И вот для его возникновения необходимо сомнение, полная отстранённость, пауза, открывающая для человека возможность быть человеком.

Приведенные выше философские идеи нашли своё подтверждение в неврологической и психиатрической практике. Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова, основываясь на своих клинических наблюдениях, утверждают, что «о длительности можно говорить лишь по отношению к актуально переживаемому настоящему времени. Оно, как ни странно, представляется подвижным свойством времени, как бы активно отражающимся на чувственном познании» [9, с. 160]. Кроме того, авторы указанной книги выдвигают предположение о том, что время, в котором осуществляется целостная нервно-психическая деятельность человека, имеет несколько направлений. Они справедливо отмечают, что если это допущение справедливо, то теряет смысл вопрос о причинно-следственных, то есть линейно-временных отношениях касательно психической деятельности здорового человека.

В отечественной психологии подобная организация индивидуального психического времени плодотворно воплотилась в идее хронотопа (термин А.А. Ухтомского). Понятие хронотопа создаёт описание пространственно-временного континуума, в котором протекает психическое развитие человека, понимаемое как уникальный процесс в составе космоса. Хронотоп активен, что проявляется в наличии у него источников энергии, энергии, которая коренится в специфике человеческого бытия и используется для творчества, для жизни. «Формирование активного хронотопа, – пишут В.П.Зинченко и Е.Б.Моргунов, – это одновременно и формирование образа ситуации и программы как оснований свободного действия, и необходимое условие вневременных состояний, которые М.М. Бахтин характеризовал как вневременное зияние, образуемое между двумя моментами реального времени. Хронотоп формируется в зазоре дрящегося опыта» [10, с. 317].

Если подытожить приведенные выше рассуждения относительно индивидуального психического времени, то можно говорить о том, что Встреча возможна лишь при условии выделения человеком собственного дискретного настоящего времени. Это, в свою очередь, представляется осуществимым путём действия сомнения как смены типа ориентировки, сомнения как осознания необходимости качественного изменения собственной концепции жизни.

Ещё одной гранью феномена Встречи является (выражаясь предельно общё) столкновение, либо соприкосновение, либо *воссоединение нескольких определённых душевных инстанций*.

Действительно, при анализе трудов учёных-гуманитариев (врачей, психологов, педагогов) возникает отчётливое впечатление, что ситуации скачкообразного психического развития взрослого человека всегда сопряжены со Встречей человека; образно говоря, со Встречей с самим собой, а точнее, с Собой Другим. Это справедливо даже в тех случаях, когда, казалось бы, инициатором события является другой человек, либо другие люди, либо обстоятельства. Однако действия окружающих создают лишь условия для психического развития. Работу же по его осуществлению претворяет в жизнь сам человек.

Для того чтобы чётко сформулировать, о каких же душевных инстанциях идёт речь, есть смысл обратиться к тем психологическим концепциям, которые, разрабатывая проблему структуры личности, ориентированы, главным образом, на нужды практической психологии. Это, в первую очередь, психоанализ и трансактный анализ.

В трудах З. Фрейда явно прослеживается утверждение того, что инсайт возникает на границе сознательной и бессознательной душевной деятельности. Однако одного осознания содержания вытесненного комплекса оказывается мало. Для освобождения от невротического симптома необходимо отреагирование вытесненного и создание самим человеком качественно нового отношения к содержанию комплекса, качественно нового его переживания. Последнее же происходит на стыке выделяемых З. Фрейдом подструктур душевной жизни: Я, Оно и Сверх-Я. При этом сам основоположник глубинной психологии неоднократно отмечал, что инсайт связан с разблокированием перетекания психической энергии из одной подструктуры душевной жизни в другие. Ведь по существу внутренний конфликт в психоанализе рассматривается как конфликт между вышеперечисленными подструктурами.

Э. Берн, обсуждая проблему наделения властью разных состояний Я, также отмечает наличие моментов, когда несколько состояний Я оказываются равноправными. Он утверждает, что эти моменты наиболее плодотворны для психического развития клиента или пациента: «Вмешательство (или вступление в разговор) врача будет идеальным тогда, когда оно попадает в цель, в яблочко, то есть имеет смысл для всех трёх аспектов личности пациента, и все три могут это вмешательство воспринять и даже принять» [11, с. 48].

Некоторые современные психотехники, разрабатываемые отечественными психологами, также основываются на «столкновении» составляющих человеческого Я. Такова, к примеру, этногерменевтика, создаваемая А.В. Сухаревым и его сотрудниками. Она рассматривается автором как «процесс раскрытия и осознания человеком его реальных этнофункциональных связей с внешней и внутренней средой» [12, с. 88]. Таким образом, этногерменевтика призвана способствовать психическому развитию взрослого человека, поскольку поворачивает его лицом к реальности, к гармоничному отношению с природой. Осуществляется же этот процесс приведения в соответствие внутриспсихической системы отношений к этническим параметрам путём выявления «элементов мировоззрения конкретного человека, соответствующих его климато-географическому окружению и расово-биологическим особенностям» [12, с. 88].

Наша интерпретация явления столкновения в ходе Встречи разных составляющих человеческого Я основана на наших же представлениях об организации пространства жизни человека и структуре его Я, то есть на представлениях, выдвинутых вследствие построения идеографической модели Я человека [7]. Таким образом, в рамках данного исследования в качестве соответствующих составляющих выступают Я-реальное, Я-идеальное и Я-воображаемое.

В момент Встречи, по нашему мнению, происходит выравнивание интенсивности переживания определённого момента действительности в двух или трёх качествах жизни человека (в двух или трёх составляющих Я). В результате этого появляется новый материал для внутреннего диалога. Перед человеком возникают возможности по-новому, по-другому пережить данный момент действительности, вырваться из порочного круга психических иллюзий, открыть и реализовать скрытые ранее жизненные потенциалы.

Как отмечалось в предыдущих публикациях [7], [14], [15], структура человеческого представлена объёмом Я, плотностью Я и направлением смещения Я. Используя эти понятия, можно говорить о том, что в момент Встречи происходит уплотнение ткани Я вокруг точки выравнивания (М.К. Мамардашвили называл такие точки ещё сингулярными или точками равноденствия). Это, с одной стороны, материализует выделение человеком данного переживания среди других, актуально существующих, а с другой (поскольку локальное увеличение плотности происходит за счёт разнонаправленного движения, неизменно проходящего через данную точку) – свидетельствует о возникновении «взрыва» возможностей для реструктурирования человеком собственного Я в нужных для его психического развития направлениях. Следовательно, такие точки равноденствия в пространстве жизни в пределах объёма Я могут рассматриваться как энергетически насыщенные, способные динамизировать Я.

Прибегнув к метафоре, можно говорить о том, что выравнивание интенсивности переживания одного момента действительности в разных качествах жизни подобно водружению шара на вершину горы. С той лишь разницей, что последующее движение шара будет всё же ограничено гравитацией, чего не скажешь о перемещении описываемого переживания.

Поскольку описанное уплотнение ткани Я вокруг точки равноденствия обладает значительным энергетическим потенциалом, оно, как и сама Встреча, имеет свойство оставлять длительный след в памяти человека. Оно буквально впечатывается в неё. Видимо поэтому многие психологи, так или иначе разрабатывавшие проблематику Встречи, именуют такое состояние впечатлением. Эту же мысль можно найти у М.К. Мамардашвили. Утверждая, что подобные взрывы наших душевных и духовных событий имеют особую структуру, он говорил: «...в такого рода впечатлениях... речь идёт о воссоединении одной части души с другой частью этой же души» [1, с. 107].

Констатацией *наличия специфического впечатления* феномен Встречи себя не исчерпывает. Говорить о том, что Встреча имела место, можно лишь тогда, когда новый материал для трансформации концепции жизни был востребован, и на его основе возник принципиально новый неуправляемый внутренний диалог.

Используя более привычную для настоящего исследования терминологию, можно вести речь о свободном, беспрепятственном движении переживаний, составляющих Я, в пространстве жизни человека, во всех его качествах. В результате повышается уровень идентификации (термин взят в трактовке Г.И. Малейчука), выражающийся в более реальном восприятии структуры и состояния собственного Я. Устанавливается плодотворная психологическая дистанция с самим собой. Всё это открывает неограниченные возможности для психического развития, творчества и, тем самым, для поддержания жизни Я.

«Прорыв» к реальности позволяет человеку не только чётко дифференцировать и структурировать собственное Я, но и Я другого человека, установить с ним плодотворную психологическую дистанцию, обеспечивая этим условия и для его психического развития.

Таким образом, *свободная динамика переживаний*, составляющих Я, означает, ни больше ни меньше, а активную организацию и реорганизацию человеком своей жизни. Такая его активность непосредственно связана с порождением смысла. Как утверждает Г.С. Абрамова: «Когда человек... переживает напряжение, связанное с организацией своей жизни, он решает не только задачу осуществления конкретной цели, но и задачу построения смысла...» [8, с. 237].

Наиболее близким по духу настоящему исследованию представляется определение понятия «смысл», данное В.П. Зинченко и Е.Б. Моргуновым. По их мнению, «понятие смысла выражает укре-

плённую индивидуального сознания в бытии человека, а рассмотренное выше понятие значения – подключённость этого сознания к сознанию общественному, к культуре» [10, с. 190]. Неудивительно поэтому, что Встреча может быть рассмотрена как проявление аутентичности человека, как ситуация, когда мерилем всех поступков человека становятся общекультурные, духовные ценности. Неудивительно и то, что Встреча может оказать психотерапевтическое действие и стать решением ситуаций, описанных Ф.Е. Василюком как ситуации невозможности [13].

Если состояние человека при фрустрации, внутреннем конфликте или жизненном кризисе можно охарактеризовать как *невозможность + растерянность + определённость*, то в результате Встречи эти характеристики меняются на *возможность + собранность + неопределённость (поливариантность)*.

Если же попытаться найти краткую дефиницию переживания, связанного с возникновением ничем не ограниченной подвижности Я, то обозначить его можно как увеличение степени свободы в организации собственной жизни.

Таким образом, разрабатывая проблематику Встречи, можно говорить о построении соответствующего феноменологического ряда, позволяющего выявить условия для перехода сукцессивных переживаний взрослым человеком качеств своей жизни в симультанные. Он включает в себя:

- 1) доверие к реальности как условие уверенности в себе и психологической защищённости;
- 2) сомнение как осознание необходимости качественного изменения концепции жизни;
- 3) впечатление как выравнивание интенсивности переживания одного момента действительности в разных качествах жизни;
- 4) увеличение степени свободы в организации собственной жизни как свободная динамика переживаний в любых составляющих Я.

Результатом, своеобразным маркером состоявшейся Встречи для самого человека является имеющее искренне позитивную эмоциональную окраску переживание «Я стал другим». Следовательно, ситуацию Встречи можно охарактеризовать и как ситуацию осознания и переосмысления взрослым человеком процесса и результатов своей жизни.

Итак, в ходе Встречи происходят: динамизация структуры Я человека, трансформация концепции его жизни, переход от сукцессивных переживаний человеком качеств своей жизни к симультанным, изменение состояния качеств последней. Кроме того, при Встрече имеют место осознание взрослым человеком процесса и результатов своей жизни, порождение смысла и выход из состояния психических иллюзий. Всё это позволяет рассматривать Встречу в качестве способа психического развития взрослого человека.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мамардашвили, М.К. Психологическая топология пути / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Издательство русского Христианского гуманитарного института, 1997. – 572 с.
2. Буйкас, Т.М. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей культурных символов в индивидуальном сознании / Т.М. Буйкас, О.Г. Зевина // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 44 – 56.
3. Мамардашвили, М.К. Необходимость себя / М.К. Мамардашвили. – М.: Лабиринт, 1996. – 429 с.
4. Абрамова, Г.С. Введение в практическую психологию / Г.С. Абрамова. – Брест: Изд-во БрГПИ им. А.С. Пушкина, 1993. – 144 с.
5. Рейнхард, Л. Трансформация. Программа Просветления Вернера Эрхарда / Л. Рейнхард. – М.: Казимир, 1994. – 251 с.
6. Хейзинга, Й. Homo ludens / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 459 с.
7. Лагонда, Г.В. Идеографическая модель Я / Г.В. Лагонда // Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и грамадских навук. – 1998. – № 1. – С. 23 – 32.
8. Абрамова, Г.С. Возрастная психология / Г.С. Абрамова. – М.: Академия, 1997. – 704 с.
9. Брагина, Н.Н. Функциональные асимметрии человека / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова – М.: Медицина, 1981. – 288 с.

10. Зинченко, В.П. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов. – М.: Тривола, 1994. – 333 с.
11. Берн, Э. Трансакционный анализ и психотерапия / Э. Берн. – СПб.: Братство, 1994. – 224 с.
12. Сухарев, А.В. Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания / А.В. Сухарев // Вопросы психологии. – 1996. – № 4 – С. 81–93.
13. Василюк, Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – М.: Издательство МГУ, 1984. – 200 с.
14. Лагонда, Г.В. Клинико-феноменологический анализ показателей развития «Я» взрослого человека: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата психологических наук: 19.00.01 / Г.В. Лагонда. – Издательство Брестского госуниверситета. – Мн., 2000. – 21 с.
15. Лагонда, Г.В. Готовность к Встрече в системе показателей развития Я взрослого человека. Монография / Г.В. Лагонда. – Брест: Издательство УО «БрГУ им. А.С.Пушкина», 2005. – 152 с.

Материал поступил в редакцию 01.06.09

LAGONDA G.V. Facing yourself as a way to changing by adult the qualities of his psychical life

The problem of adult psychical development is arising in the article. The author expresses an opinion that a Facing yourself is a mechanism of psychical maturity achievement by adult. He describes such phenomenological characteristics of Facing yourself as a faith to reality, a doubt in the impeccability of own opinion, impression and augmentation of degree of individual internal liberty.

УДК 159.9

Бурко О.П., Яловая Ю.С.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Введение. Семья – древнейший институт человеческого взаимодействия, уникальное явление. Ее уникальность состоит в том, что несколько человек самым тесным способом взаимодействуют в течение длительного времени, насчитывающего десятки лет, т. е. на протяжении большей части человеческой жизни.

Следует отметить, что в современном обществе наблюдается кризис семьи, семейного образа жизни. Обострилась проблема одиночества в молодом возрасте и нестабильность супружеских отношений (статистические данные: из трех семей распадается две, неполные семьи – 38 % от общего числа семей, неблагополучные – 7 %). Зачастую основной причиной развода является неумение строить позитивные взаимоотношения в семье, незнание основ психологии семьи.

От своевременности и полноты процесса формирования психологического пола, адекватности самоотношения во многом зависит уверенность в себе, цельность переживания, определенность установок и, в итоге, эффективность общения и отношений в будущей семье. Чтобы будущая семья стала целостной системой, в которой бы сохранились и эволюционировали сложившиеся связи, важно в юношеском возрасте формировать адекватные установки на эту проблему.

В настоящее время появляется необходимость изучения состояния массового сознания в изменяющемся мире. Настоящая работа обращена к этой проблеме посредством изучения представлений современной молодежи о своей будущей семье. Социальные представления – это способ осмысления, интерпретации человеком феноменов повседневной жизни. Семья – важный социальный институт, в нем разворачивается процесс социализации человека, и любые, даже не ярко выраженные, изменения этого института свидетельствуют об изменениях в других областях человеческой жизни, государства, общества.

Необходимость подобного исследования связана и с тем, что, с одной стороны, в психолого-педагогической науке накоплен определенный объем теоретико-эмпирических знаний о современной семье (А.Я. Варга, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, В.А. Петровский, А.В. Черников и др.), а с другой – отсутствуют сведения о том, как представлены (если представлены) научные знания в быденном сознании людей. Соотношение быденного и научного знания – одна из важных проблем теоретического и практического характера.

Юношеский возраст вызывает особый интерес в рамках этой проблемы. Именно студенты оказываются наиболее чувствительными к происходящим социальным переменам (Е.П. Авдучевская, В.С. Собкин, П.С. Писарский). Этот период жизни человека характеризуется активным становлением личности, возникновением и развитием значимых психологических новообразований, задействованных во всех проявлениях когнитивного и эмоционального отношения к миру, – в оценке реальной действительности и окружающих людей, в прогнозировании своей социальной активности, в планировании

будущего и самореализации, в формировании собственных представлений о мире и о себе самом (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, И.В. Дубровина, И.С. Кон, В.В. Столин, и др.).

Методологической основой работы является культурно-историческая теория Л.С.Выготского, его концепция психологического возраста и социальной ситуации развития; идеи отечественных и зарубежных психологов по проблемам семьи и личности подростков и юношей (Э. Берн, В. Вульф, М.Ю. Кондратьев, А.В. Петровский, В.А. Петровский и др.), а также принципы анализа социальных представлений, разрабатываемые в зарубежной и отечественной науке.

Как возрастная категория, студенты относятся ко второму периоду юности (17-18 – 22-23 года) [1]. Юношеский возраст занимает важное место в общем процессе онтогенеза. Это период целостного становления личности, время наступления социальной зрелости, формирования "Я-концепции", активного вхождения личности во все сферы общественного бытия [2, 316].

Эмоциональная сфера студенчества достаточно развита и многопланова. Ряд исследователей (А.Е. Личко, И.С. Кон, А.В. Кучменко) отмечают, что по сравнению с подростками юноши и девушки отличаются значительно большей уравновешенностью в отношениях с окружающими, более отчетливо выраженным самоконтролем поведения [3, 311]. Особое место в эмоциональной сфере юности занимает такое чрезвычайно значимое для них чувство, как любовь, которое часто приводит к вступлению в брак. Появляются студенческие семьи, вместе с ними студенты приобретают новое социальное качество – семьянина и соответствующие ему социальные роли – мужа, жены, а в дальнейшем – отца и матери. Как актуальная воспитательная задача встает проблема обеспечения готовности молодых людей к реализации себя в этих новых для них социальных ролях [4, 211].

Семейные отношения – сложный социально-психологический феномен, включающий мифологический и современный уровень сознания, индивидуальные и коллективные, онтогенетические и филогенетические основания, охватывающий субъективное время индивида, линию жизнедеятельности, национальную культуру и традиции.

Причиной, побуждающей людей объединяться в группы, выступают потребности человека. Сущность семьи рассматривается через ее функции. К основным функциям семьи относят следующие (Эйдемиллер):

- Репродуктивная – удовлетворение физиологических и сексуальных потребностей с целью воспроизводства человеческого рода, создания материальных условий существования.
- Социально-биологическая – внутренний механизм самовоспроизводства.
- Функция социализации личности – обеспечивает включение лично-

Бурко Оксана Петровна, ст. преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Яловая Юлия Сергеевна, студентка 3 курса строительного факультета специальности «Экспертиза и управление недвижимостью» Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224023, г. Брест, ул. Московская, 267.